

О. Г. Усенко¹

Гендерный аспект монархического самозванчества в России XVII–XVIII вв.

Цель работы – выяснить, влияли или нет представления о мужском/ женском и половые различия на поведение лжемонархов и на отношение к ним в России XVII–XVIII вв.

Речь пойдёт о лицах, свободно живших, пусть и недолго, на территории Российской империи до «проявления» (первой демонстрации мифической ипостаси) или уже после него. Таких лжемонархов с 1601 по 1800 гг. было 147², и среди них – 8 женщин (5%). Вот они:

1. **Девора**. По неподтверждённым данным – уроженка Нижегородского или соседнего уезда, дворянка. Грамотна. Не известно, когда стала монахиней и «раскольницей». Уже в 1707 г. «оная Девора с прочими старицами жила в Керженском лесу за Пафнутневым починком в кельях». Будучи «старницей», около 1717/1718 г. «проявилась» как «родная дочь Алексея Михайловича» – «государыня царица Наталья Алексеевна». В этом качестве нашла поддержку у «староверов» (по преимуществу «поповцев»), получая от них всё необходимое.

¹ Усенко Олег Григорьевич – к. и. н., доцент кафедры Отечественной истории Тверского государственного университета

² Критерии подсчёта и терминологию см.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. М., 2002. № 5–6; Он же. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. // Россия в XVIII столетии. М., 2004. Вып. 2. С. 300–302.

[с. 241]

С 1730 г. жила «в муромских лесах за селом Шиморским» и с ней – «старницы и трудники», «черницы и белцы и белицы». Двое беглых крестьян, живших одно время в её скиту, даже «на неё стряпали». Посещала Муром и Вязники, но на диспутах «раскольников» не замечена. До декабря 1731 г. посетила Москву: «жила в монастыре в каменной полате», и «приезжали знатные господа к той старице на поклон». Путешествуя, «ходила белицею девкою в шапке и вь юпке». В скиту и вне его на «аудиенциях» ей целовали руку. Была «очень богата», имела «денег много». Купила землю в муромских лесах (видимо, для нового скита). В конце 1733 г. «уехала с пришедшим к ней ис Полши дьячком... на реку Ветку в монастырь» (возможно, бывала там и ранее). При разгроме Ветки (лето 1735 г.) бежала в Россию. К декабрю 1735 г. со свитой добралась до слободы Мглинки (Почепский у.), где приютившему её «раскольнику» заявила: «Нужно де мне доехать в Москву до дядюшки». По пути туда, вероятно, была схвачена и сослана в монастырь под строгий надзор (в 1736 г.)¹

2. **Марья Васильева дочь**. О ней известно мало: украинка; перед «проявлением» – «баба нищая». 22 сентября 1740 г. пришла в Киево-Печерскую лавру и два дня «пособляла другим бабам глиною келии и поварню на зиму обмазывать». За это и «ради ея нищети на поварни» ей давали еду. Там же, «в кухне», ночевала. Утром 24 сентября при посудомойке «оная жонка Марья, сидя на лавке, без всяких разговоров говорила собою: "Я де Государыня царица, Святый де Дух так приказал мне называтца"». Свидетельница попросила знакомого послушника сделать извет, но тот не успел. В тот же день за обедом они и двое работников слышали, как Марья, «сидя на лавке особо... говорила без всяких разговоров собою: "Живот де у меня заболел – своего чину захотел. Я де Государыня царица, и муж де у меня царь Александр", – и Дух де Святый сказал ей, чтоб ей мужа своего Александра проявлять, и когда де он явитца и станет царём, то будет правда в мире, и поможет

христианом, и в мире будут жить все христиане». Свидетели донесли, и наутро Марья была арестована. Следователям в Москве она «о муже своём... также де и о себе... не объявляла по многим вопросам, токмо говорила: о муже де её и об ней де, Марье, знает Творец и чудотворец, которой престол просветил. И притом говорила всякие сумозбродные слова...» Приговор (29 октября 1740 г.) гласил: М. Васильеву «для исправления ума послать в город Инзар в Богородицкой Печерской девичь монастырь», где содержать «сковану в кандалах за крепким... караулом»².

3. **Лукерья Михайлова дочь.** «Персианка». «В Россию ж она вывезена семи лет» (в 1730–1735 гг.) и вскоре крещена. Неграмотна. Была

¹ Тельчаров А. Д. Вязниковская слобода. М., 1999. С. 39–42; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 16. Л. 43, 393; Д. 278. Ч. 10. Л. 129–174; Ф. 349. Оп. 1. Д. 558, 623, 656, 874, 1107, 1228.

² РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1225.

«при доме» Анны Иоанновны», потом – Елизаветы Петровны. Последняя 7 августа 1747 г. указала сослать её в Тихвинский Введенский девичий монастырь (царице было «донесено, будто она во французской болезни»).

1 сентября её приняли в монастыре. К ноябрю она «проявилась» перед монахиней Марфой, с которой жила, сообщив, что является дочерью персидского шаха. 8 ноября они донесли в Тихвине, что одна монахиня «говорила... великое секретное дело». Попав, как того и хотела, 14 декабря 1747 г. в столицу, Лукерья сразу же потребовала встречи с царицей «для объявления о... тайности, показывая о себе, якобы она – персидского шаха Абаса дочь и брат её – Абас же – был шахом же персидским, но оной от рук нынешняго шаха Анадыря умер нечестною смертию; и во имоверность де того, что она – шахова дочь, есть у ней на спине против груди кругленькое пятно, которяя пятна и у всех рождаемых от шаха детей всегда бывають, а oprичь де шаховых детей в Персии на простом народе таких пятен не бывает».

14 марта 1748 г. её приговорили к заключению в той же обители на более суровых условиях. Узнав об этом, она объявила, что без аудиенции у царицы «никуда не поедет для того, что де она, Лукерья, – шаха персидского Абаса дочь». Она и раньше хотела видеть царицу, но «генералом Салтыковым... не представлена». «Да и допрашивать де её ни в чём не подлежит, ибо регулы государя императора Петра Перваго запрещают царского колена посторонним людям, кроме государя, допрашивать. И надобно де напомнить о государе цесаревиче Алексее Петровиче, что кто за него у государя Петра Перваго просили, а за неё... просить некому, и ведает де она, что какую смертию государь царевич Алексей Петрович преставился. И надобно ж напомнить, что Ея Императорское Величество какую обиду от некоторых людей терпела и тогда каково Ея Императорскому Величеству было, так и ей, Лукерье, ныне в бедности терпеть не можно. А какую де она... тайну ныне имеет объявить... никому она не объявит, хотя в том смерть примет, понеже де та тайна касаетца до лица Ея Величества...»

«И о том, что она – шахова дочь, ведает граф Александр Румянцов, понеже она за сына того графа Румянцева Петра Румянцева была зговорена. А ныне де оной Пётр Румянцов женился на Голицыной, о которой де женитбе уведала она, будучи в Тихвине в монастыре... Да при сём же она... объявляет, что как она... в Тайной канцелярии содержитца, так за неё некоторой человек век будет в Тайной канцелярии содържатца, да и оной де граф Александр Румянцов был в ссылке. Она ж де... была при покойном принце Гессен-Гомбургском камординером и хаживала в муском платье, и она де... [нар]очно из Москвы приехала в Санкт-Питербурх [для извещ]ения о себе... токмо де она пред Ея

Величество не допущена, и ради её некоторые люди уморить, а пред Ея Императорское Величество не допустить. И была

[с. 243]

она в ссылке в Сибире и оттуда в Москву тайно вывезена...» Позднее грозились, что вредящие ей «генералитеты» будут «четвертованы», называла караульных (измайловцев) «изменниками».

17 мая 1748 г. вернулась в обитель, но уже вела себя так, что одна из её надзирательниц убежала (от «страсти её... и побоев»). С караульным прижила ребёнка. Пыталась подать челобитную. В 1758 г. на неё поступил донос, но следствие было свёрнуто. Её желание постричься (сентябрь 1760 г.) почему-то не осуществилось. 31 января 1762 г. объявила «государево дело». Её доставили в столицу, но в деле не усмотрели «важности», и как «повреждённую в уме» её вернули обратно. Ничего не изменила и Екатерина II – указом от 21 июня 1766 г. она была «оставлена в том же монастыре на прежнем основании...»¹

4. Авдотья (Евдокия) Васильева дочь Заварзина. Жена белгородского однодворца. Растила 3 сыновей. По отзывам, «жителство имела благопристойно», правда, конфликтовала со свекровью. В октябре 1768 г., желая, «чтоб оная её свекровь впредь ей побоев и никаких нападений не чинила», объявила той, «будто она Государыня и на её персону делаютца деньги рублёвики». После нескольких «разглашений» свекровь передала её в руки властей (26 ноября). Доказывая свои заявления, самозванка объясняла: «ей де, Евдокеи, нынешнею осенью, что будто на её персону делаютца деньги рублёвики, сказывала незнаемо какая жонка..., почему она... Государынею и стала называтца. А что образ Праскевы Великомученицы писан сь её лица, и то ей сказывал стретившейся Белагорода в Жилой слободе незнаемо ж какой моляр». От мифического статуса отказалась под плетями, проведя 2 дня без питья и пищи. Вопреки мнению соседей, власти сочли её безумной. В столице дело нашли пустяковым, и по указу оттуда её в феврале 1769 г. освободили, заплатив 5 руб. за оскорбление и мучения².

5. Анисья Иванова дочь Краснощёкова. Дочь елецкого купца. Неграмотна. С детства путешествовала по югу России и Украине, живя среди «раскольников». Жила и в Польше (Ветка). Была выдана замуж, но вскоре опять стала странствовать – то как вдова Матрёна Михайлова, то как племянница или дочь погибшего героя – бригадира И. М. Краснощёкова. 19 августа 1761 г. арестована в Петербурге. Во время следствия стала «никонианкой». Была наказана плетью, разведена с мужем и сослана в Нерчинск «на поселение вечно».

На место ссылки прибыла в мае 1764 г. В начале 1768 г. бежала и около 8 июня 1769 г. оказалась в д. Глазковой под Иркутском. Хозяин квартиры заподозрил, что она – беглая, и 15 июня она объявила, что «якобы она была при дворе Ея Императорскаго Величества штатс-дамою, а имя себе сказала зовут Анисья Иванова дочь, а фамилии

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 80. Л. 99–100; Ч. 90. Л. 199–199 об.; Д. 1181; Оп. 2. Д. 2047. Ч. 1. Д. 4. Л. 7–9; Оп. 3. Картон 344. Д. 656. Л. 1.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2303; Ф. 349. Оп. 2. Д. 7113.

[с. 244]

Краснощочковой, а сослана в Нерчинские серебряные заводы и оттуда отпущена тамошними командирами втай... Да и брат те её Фёдор Иванов сын Краснощочков находился там же в заводах, которой оттуда ушёл... А особливо, будто б в тех же заводах был и бывшей Государь Пётр Феодоровичь (речь о П. Чернышёве – О. У.), называя себе...

братом же». Тут же её арестовали. На следствии она утверждала, будто была фрейлиной, а брат Фёдор прислан из Чебаркульской крепости. По указу от 14 сентября 1769 г. её ждали плети, Нерчинск и насильное замужество¹.

6. Александра Васильева дочь Корсакова. Дочь капитана В.К. Рагозинского. Грамотна. Была замужем 10 лет за капитан-поручиком И. А. Корсаковым. Из 6 детей остались двое. Овдовев, помутилась рассудком. Имела деревню в 30 душ (Новгородский у.), дом в Новгороде, пенсию на дочерей (по 200 руб. в год). Много путешествовала по северо-западу России.

В июне 1778 – январе 1779 гг., живя в Петербурге на квартире, чуть не зарезала дочерей, била служанок, ходила ночью по комнатам с огнём, *«стучала по стенам палкою и, глядя вместо зеркалов на стены, называла себя красавицею, а иногда и Александром Великим»*.

11 марта 1779 г. явилась в царский дворец и объявила дежурному генерал-адъютанту, «что она дочь Императрицы Елисавет Петровны с таким намерением, что она хочет быть во дворце». На следствии поведала, что её сразу после рождения граф П. Б. Шереметев отдал на воспитание В. К. Рагозинскому; о своём тайне она узнала в 14 лет – тогда Елизавета была в гостях у генерал-майора Караулова и представленной Александре сообщила, что она её дочь от графа А. Г. Разумовского, однако велела Рагозинскому по-прежнему содержать её; когда Екатерина II после коронации приехала в Кронштадт и призвала её, то при Орловых сказала, «что она ей невеска принцеса, дочь государыни Елисавет Петровны», и повелела дать ей «знатную сумму», которую, однако, Александре не дали; после смерти её мужа царица пожаловала ей 200 000 руб., но И. Г. Чернышёв выдал только 2000; в январе 1776 г. она была в придворном театре, и царица ей при всех сказала: «Принцесса, я тебя вижу, ты здесь».

18 апреля 1779 г. её как безумную (от звания «принцессы» не отказалась!) послали под надзор к родственнику И. Вульффу в с. Берново Ржевского уезда. В мае 1783 г. переехала в с. Декиса Порховского уезда к дочери, жившей там с мужем – отставным подпоручиком Косицким².

7. Марья Петрова дочь Тюменева. Родилась в Петербурге. Дочь генерала Кашкарова. Грамотна, изучала французский и немецкий. По смерти мужа, полковника А.И. Тюменева, продала поместье и на эти деньги растила 3 сыновей, путешествовала по России и Украине.

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 266. Ч. 88. Л. 244–244 об.; Ч. 89. Л. 211–214 об.; Д. 2020.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2537.

Нередко бранилась в обителях, однажды «хватала священника за ворот и посадила в чеп».

С конца 1786 г. жила в Киеве со служгой и «двоюродным племянником» – отставным капитаном П. Спиридоновым. Много подавала нищим, приютила «юрода Андреюшку». Рассказывала, что при Елизавете была придворной дамой («камер-унферой» и «фрейлиной»), а при Петре III – *«статс-дамою и имела пожалованную кавалерию, но в то время, когда... Пётр Третий в Раниембауме был арестован, в то время она, Тюменева, оттоль графом Орловым была отправлена в Питербург с такими словами: "Поезжайте де, матушка, в Петербург, тут не твоё дело"»*. Она-де жила в столице до тех пор, пока А. Г. Орлов не отнял у неё «всё имение» (на 0,5 млн. руб.), а царица не сняла с неё «ленту» и не пожаловала княгине Дашковой. Своих крестьян (8000 душ) продала-де она сама. Как-то в Летнем саду она просила царицу вернуть «имение» – та пообещала, но обманула и даже не стала рассматривать её письменное прошение. Царица же выдала её замуж – «неволею». Овдовев, она вторично вышла замуж (за Гудовича или Мировича) и снова овдовела. В 1786 г. лично просила царицу «о дозволении итти во Иерусалим для богомолья», та велела подать прошение через графа Безбородко, но ни одно прошение до царицы не дошло. Однако

«получила она от Их Высочеств Великаго князя и Великой Княгини при отъезде... по сто рублей и особо от Великой Княгини чаю».

В сентябре 1787 г., встретив авантюриста В. Бунина («прапорщика Ивана Колычева»), объявила, что доводится ему двоюродной сестрой (связала его со своим прадедом, женатым на Колычевой). Затем признала в нём Петра III – говорила ему, что *«его почитают по сходству лица весьма важно и что уже и портрет с его снят, и имела... робость»*. В сентябре же было и «проявление». Живя во Фроловской обители, Марья сообщила монахиня Пиоре, что Бунин – это Пётр III, и в ответ на возражение сказала, что «он не умирал и что вместо его погребён какой-то салдат, сам же Император есть тот, которого она, Тюменева, называет своим братом». Она говорила «о Количове, что он человек великий и точно имени известного. И когда она, Пиора, Тюменевой сказала: "Не такой ли, как Пугачёв?", - то Тюменева отвечала Пиоре, что Пугачёв был сего фелдмаршалом». Монахиня испугалась и не поверила, но Тюменева при новой встрече сумела её убедить. Позже Пиора и не посвящённый в тайну П. Спиридонов целовали Бунину руку и «делали ему почтение». Тюменева планировала поехать с двумя последними в Москву и Петербург, а затем обосноваться в Сибири. Её арестовали 21 февраля 1788 г. из-за того, что Пиора проболталась. В феврале 1789 г. Тюменеву поместили в Киевский смиренный дом «до указа». Там она и умерла – 9 сентября 1799 г.¹

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2047. Ч. 3. Л. 55; Д. 2744; Д. 2902. Л. 48 об.

8. Прасковья Григорьевна дочь Середенко. Крепостная крестьянка. Украинка.

Неграмотна. Была отдана замуж, но сбежала. Выдавая себя за «вольную» и вдову, бродила по Украине и югу России. Будучи в Севске, 25 ноября 1796 г. продиктовала «государев указ» на имя городничего: цесаревне Елене Павловне «во сне приснилось, чтоб справедовать царства», и она ушла из дворца; известно, что она в Севске (указаны приметы Прасковьи и её адрес); повелевается, «чтоб её узнали, упростили и удовольствовались» и «чтоб у ней было тридцать слуг и пара платья, какова похощет»; доброхот же сможет получить от неё любой чин.

Отправила «указ» письмом. Её арестовали 30 ноября, но она всё отрицала. Посидев на хлебе и воде, 1 декабря предстала перед городничим как «Елена Павловна» (*«Я из Петербурга царевна, послана разведывать, что в Государстве делается, и с майя месяца хожу»*). На допросе в Орле (7 декабря) отказалась от мифической ипостаси, но оговорила знакомого протоколиста. В Тайной канцелярии, даже когда лгала, со слезами клялась, что говорит правду. 28 января 1797 г. как безумная отправлена в Петербургский смиренный дом «навечно», однако 28 февраля отослана к генерал-губернатору – видимо, для перевода в другое место¹.

Итак, все самозванки являются «дочерями» XVIII в. При этом нельзя говорить о каких-либо «волнах» или «пиках» женского монархического самозванства. Можно лишь отметить, что трое «проявились» до 1762 г, остальные – в 1762–1800 гг. Так как в 1701–1761 гг. было в общем 58 лжемонархов, а позднее – 60, доля женщин равна соответственно 5% и 8%.

То, что почти все самозванки «проявились» после 1739 г., и то, что их так мало, можно объяснить господством патриархального сознания. Управление государством считалось мужским делом, женщина же (и царица!) воспринималась как неполноценное существо². Возможно, с этим было связано и отсутствие Деворы на «раскольничьих» диспутах.

Сопоставим **подлинные статусы** лжемонархов (увы, сведений не хватает). Все женщины – российские подданные, а вот 20 мужчин (14%) – иностранцы. Почти все

лжегосударыни – русские и украинки. Зато среди лжегосударей представлены русские, украинцы, поляки, немцы, французы, шведы, датчане, финны, армяне, грузины, греки, евреи, волохи, каракалпаки и ненцы. Среди мужчин были и христиане (католики, протестанты, униаты, православные – «никониане» и «раскольники», члены грузинской и армяно-григорианской церкви), и мусульмане, и «язычники». Все же самозванки – православные (одна – «староверка»).

¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2917.

² См.: Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 64, 66–68, 493.

[с. 247]

Минимум 75% самозванок (6) – официально или фактически незамужние. О самозванцах общих данных нет, но в 1762–1800 гг. из 55 мужчин вне брака жили 43 (78%).

Что касается доли грамотных, то в обеих группах она равна примерно 50%. Зато среди самозванок, очевидно, больше доля тех, кто расширил кругозор благодаря путешествиям по стране и за границу, – таких 6 (75%). Аналогичных данных о мужчинах за два века пока нет, но в 1762–1800 гг. было 25 подобных лиц (53%) из 47 лжемонархов-россиян.

Сравним теперь самозванцев и самозванок в их **мифических ипостасях**. У женщин рецидивов (случаев повторного монархического самозванства после саморазоблачения) нет. Среди мужчин же – трое рецидивистов (И. Семилеткин, П. Чернышёв, Ф. Богомолов).

Нет «государынь» и с высшими духовными званиями. «Государей» же со статусом «патриарха», «святого», «архангела» или «бога» – 12% (17 чел. и все – «дети» XVIII в.).

Двойным царственным самозванством без промежуточного саморазоблачения отметились одна женщина (Корсакова) и двое мужчин – А. Холщевников («царевич Алексей Петрович + Пётр Алексеевич Копейкин»), К. Владимир («сын голландского короля + сын Петра III»).

Если большинство самозванцев оспаривали власть у правящего монарха, то самозванки этого не делали. Лишь Васильева была объективно конкуренткой императрицы, но сама она уповала только на волю божью. Хотя титулы Заварзиной, Краснощёковой и Тюменевой противопоставляли их Екатерине II, на деле самозванки не собирались бороться с ней за власть.

Сообразно с этим есть различия в делении самозванцев и самозванок на такие группы, как «авантюристы», «блаженные» и «реформаторы»¹. Среди женщин доля «реформаторов» – 13% (Середенко), «блаженных» – 25% (Васильева, Корсакова), остальные – «авантюристки». Аналогичные данные о мужчинах есть пока лишь за 1762–1800 гг.: «реформаторов» было 20% (11 чел.), «блаженных» – 33% (18 чел.), «авантюристов» – 47% (26 чел.).

Далее, самозванцы крайне редко «проявлялись» перед публикой, включавшей женщин, и, кажется, никогда – перед одними женщинами (полной информации нет). Самозванки же «проявлялись» перед женщинами (Михайлова, Заварзина, Тюменева и, видимо, Девора) или перед разнополой аудиторией (Васильева, Корсакова). В присутствии мужчин «разгласили» о себе Краснощёкова и Середенко, однако это можно списать на чрезвычайные обстоятельства.

Независимо от пола лжемонарха у свидетелей «проявления» первой реакцией были недоверие и страх. И среди самозванцев и среди самозванок тех, кому всё же удалось найти сторонников, – значительно меньше, чем тех, кому люди так и не поверили. Зато у самозванок

¹ См.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество... С. 306–308.

[с. 248]

выше доля признанных «безумными» – 63% (5 чел.) против 48% у мужчин (67 чел.).

Представления, помогавшие народу отличать «истинных» претендентов на монарший статус и помогавшие их «самообольщению»¹, «обслуживали» и самозванцев, и самозванок. Критериями «истинности» были «царские знаки» (Михайлова), наличие свиты (Девора, Тюменева), наличие слуг (Девора, Середенко), а также богатство (о Деворе говорили: «очень богата и денег много; знатно де, она не простова рода – царскова»²). Таким критерием было и признание авторитетных лиц – это подтверждают показания Михайловой, Корсаковой, Тюменевой, а также «подданных» Деворы, смотревших на «расколоучителей» и «знатных господ»³. Сходная функция была у «знамений», полученных Заварзиной и Середенко. Наконец, помогала «вживаться в образ» и вербовать сторонников мифическая биография.

И всё же идеальный образ «истинного государя» был большей частью «маскулинным». Приноровиться к нему было проще, видимо, женщинам бранчливым – таким, как Тюменева, Корсакова, Михайлова. Случайно ли последняя лгала, что носила мужскую одежду?

Поведение других самозванок – «типично женское». Вопреки Деворе одна «девка» не захотела стать монахиней, и непослушание сошло ей с рук⁴. Заварзина даже после «проявления» вела себя по принципу «Непротivление злу насилием». Характерно и стремление Середенко вручить «указ» городничему так, чтобы избежать контакта с ним. Наконец, отметим, что с движениями социального протеста была связана лишь Девора, да и то речь идёт о пассивном протесте. Самозванцы же гораздо чаще имели отношение к выступлениям протеста, причём немало таких выступлений, как известно, были связаны с насилием.

Пример «типично мужского» поведения являют и самозванцы, жившие по принципу «Раз я – монарх, то мне закон не писан». Они заводили любовниц (А. Асланбеков, Е. Пугачёв, М. Ханин, Н. Сорокин), женились на простолюдинках (Пугачёв), хотя это вызывало ропот⁵.

¹ Там же. С. 340–342; Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 41–52, 67–73.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272, ч. 16. Л. 43 об. – 44.

³ См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 558. Л. 167 об.; Д. 1107. Л. 11–12.

⁴ См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 1107. Л. 37 об.

⁵ См.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество... С. 335, 339.